

indéniablement propice à construire une estime réciproque et une harmonie en partant de l'histoire des langues.

Quel impact pourrait avoir la valorisation de la langue arabe chez les populations immigrées d'origine arabe ?

On peut être convaincu que cela permettrait d'abord aux populations immigrées de se sentir pleinement reconnues, ensuite de pouvoir partager à double titre, l'histoire de la langue française et celle de la langue arabe, toutes deux s'enrichissant mutuellement. C'est, semble-t-il, le moyen d'édifier à relation harmonieuse que nous appelons tous de nos vœux.

On pense sans aucun doute différemment quand on se rend compte que les civilisations s'enrichissent les unes les autres. Enfin, peut-être aussi que cela nous pousserait à mieux connaître la langue arabe, à l'apprendre, ce qui ne peut être que profitable.

Apprendre le russe

Certes, la langue russe n'est pas très présente dans la langue française, même si la civilisation russe nous a profondément marqué. Voilà qui entraîne une réflexion particulière sur la distinction à faire entre bien connaître l'histoire de sa langue, et mieux connaître la littérature qui l'a marquée. Or la littérature russe a intensément influencé notre littérature et il n'est pas un français cultivé qui ne connaisse Dostoïevski, Pouchkine, Gogol, Tourgueniev, Tolstoï, Tchekhov. Comment alors ne pas être tenté alors par la lecture dans le texte de l'œuvre considérable qu'ils nous ont laissé.

Quel programme! Mieux connaître l'histoire de sa propre langue, puis apprendre la langue arabe et la langue russe! Plaisir garanti. Vivifié par notre passage à la grande université de Belgorod et dans son si efficace département des langues.

УДК 81'1

КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Алефиренко Николай Фёдорович

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
308015, Белгород, Россия ул. Победы, 85

Нуртазина Марал Бекеновна

Евразийский национальный университет имени
Л.Н. Гумилева
010008, Астана, Казахстан, ул. К. Сатпаева, 2

Аннотация

В статье рассматриваются способы применения когнитивно-синергетического подхода к лексикографическому описанию внешних и внутренних свойств человека, зафиксированных в устойчивых выражениях. Представлен междисциплинарный подход к структуре и содержанию словарного запаса и культурно-познавательного пространства в словаре фразеологизмов. Особенность этого типа словаря заключается в объединении информационных потоков в синтагматике и парадигматике словарной статьи.

Ключевые слова: фразеография, когниция, лингвосинергетика, когнитивный субстрат значения.

METHODOLOGICAL VECTORS OF COGNITIVE-SYNERGETIC PHRASEOGRAPHY

Alefirenko Nikolay Fedorovich

Belgorod State National Research University
308015, Belgorod, Russia Pobedy, 85

Nurtazina Maral Bekenovna

Eurasian National University named after L.N. Gumilev
010008, Astana, Kazakhstan, ul. K. Satpayev, 2

Abstract

The article considers possible ways of applying cognitive-synergetic approach to lexicographic description of the human outer and inner world phenomena fixed in set expressions. It is, in fact, an interdisciplinary approach to the structure and content of a vocabulary entry and representation of the cultural-cognitive space in a dictionary of fixed phrases. A peculiar feature of this type of dictionary consists in combining different information streams in their syntagmatic and paradigmatic unity within a vocabulary entry.

Keywords: phraseology, cognition, linguosynergetics, cognitive substrata of meaning.

Отличительной приметой фразеологии XXI в. является своеобразное использование системоцентрического принципа словарной репрезентации фразем. Одно из них – применение синергетического подхода (синергетика – в переводе с греческого – 'совместное действие') к лексикографическому описанию зафиксированных в значении фразеологических единиц (ФЕ) явлений внешнего и внутреннего мира человека. С этой целью во фразеологии целесообразно обратиться к учению о процессах самоорганизации сверхсложных иерархических открытых систем, к которым принадлежат как язык в целом, так и его лексико-фразеологическая система в частности. Наше понимание взаимодействия идиоматики языка, сознания и культуры было представлено в монографии 2002 г. [Алефиренко 2002], теоретические положения которой воплощены во «Фразеологическом словаре» [Алефиренко, Золотых 2008].

С точки зрения методологии, когнитивно-синергетическая теория представляет междисциплинарный подход к фразеологизированию, к формированию композиционно-смыслового содержания словарной статьи и репрезентации культурно-познавательного пространства фразеологического словаря в целом. В самом общем виде суть подхода определяется совмещением в рамках словарной статьи разных информационных потоков в их синтагматическом и парадигматическом моделировании.

В принципе синергетику, по определению ее основоположника Г. Хакена, интересует, прежде всего «совместное действие многих подсистем (преимущественно одинаковых или нескольких различных видов), в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование. С другой стороны, для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизующимися системами, необходимо кооперирование многих различных дисциплин» [Хакен 1980]. В настоящее время данное определение в силу бурного развития синергетики существенно обогатилось фразеологически значимыми идеями за счет обращения к рассмотрению процессов диссипативного самообразования фразеологических структур, нелинейности и неустойчивости эволюции фразеологического состава языка как сложной динамической системы.

Синергетическое фразеологизирование преследует эксплицирование и структурирование взаимно соотносительных (системно связанных) сведений о денотативном, коннотативном и потенциальном содержании представляемой в словарной статье языковой единицы. Такой принцип фразеологизирования подчиняется одной задаче: с целью достижения максимального объяснительного эффекта, отобранные для словарной статьи признаки и свойства стереотипной денотативной ситуации должны находиться в синергетическом сопряжении, взаимно друг друга подкреплять, дополнять и усиливать. Именно в таком взаимном дополнении представлены в нашем словаре фраземы, входящие в одно фразеологическое гнездо со стержневым словом лыко: ЛЫКО: ЛЫКА (ЛЫКОМ) НЕ ВЯЖЕТ, НЕ ВСЯКОЕ ЛЫКО В СТРОКУ, НЕ ЛЫКОМ ШИТ (подпоясан).

ЛЫКА (ЛЫКОМ) НЕ ВЯЖЕТ (прост., неодобр.) Так пьян, что не в состоянии связно говорить.

Старая Русь не могла обойтись без лыка – липовой коры. Из лыка плелись коробки, туески и основная обувь русских крестьян – лапти. Каждый крестьянин должен был уметь если не плести, то хоть ремонтировать их. Сказать про человека, что он лыка не вяжет, значило, что он либо не в своем уме, либо пьян до предела. Именно в последнем смысле и сохранилось это выражение.

Лексикографическое описание данной фраземы содержит широкую интерпретацию денотативной ситуации.

НЕ ВСЯКОЕ ЛЫКО В СТРОКУ (прост.) Любая, каждая ошибка вменяется в вину, ставится в упрек.

Выражение показывает значимость в хозяйстве наших предков лыка. (Лыко – луб молодой липы, ивы и некоторых других деревьев, разделяемых на слои и узкие полосы). В старину на Руси из лыка плели лапти, лукошки и другие поделки. В Западной Украине и сейчас лапти называют лычками. Полоски лыка для плетения назывались строками.

Чтобы работа была аккуратной, мастер употреблял в строку не всякое лыко, а только чистое, отбрасывая лычки с неровностями, дырочками от сучков и т.д. Такая хозяйственная деятельность и послужила основой идиомы, которая приобрела, разумеется, более широкий смысл.

Лингвокультурологическое толкование данной фраземы дополняет первое некоторыми «технологическими» подробностями, без разъяснения которых смысловое содержание фраземы было бы ущербным.

НЕ ЛЫКОМ ШИТ (подпоясан) (прост.) Не хуже других в каком-либо отношении; не лишен знаний, способностей.

Выражение связано с важностью лыка в жизни Старой Руси. Лычная обувь, то есть лапти, были верным признаком бедности. Вот почему не лыком шит прежде означало: он не из простых, в переносном смысле: не такой уж он простак, себе на уме.

Культурологическая интерпретация фраземы сосредоточена лишь на смыслообразующих элементах, поскольку полностью опирается на два предшествующих толкования.

Становление лингвосинергетики несколько изменило фразеографические акценты: от представления в словарной статье минимальных языковых единиц – к моделированию фразеологических объединений: фразеографических гнезд или фразео-тематических групп, содержательная сторона которых непосредственно связана с когнитивными и этнокультурными особенностями дискурсивного пространства как «среды обитания» представляющих культурный концепт фразем.

Методика синергетического фразеографирования предполагает, если следовать теории В.В. Морковкина, (1) распределение свойств рассматриваемых в словаре языковых единиц на (а) профильные и (б) непрофильные; (2) «максимально возможное умножение семантизирующих потоков, направленных на предъявление и объяснение профильных свойств» [Морковкин 2007]. К профильным автор относит такие свойства, которые определяют тип (профиль) словаря. Остальные признаки и свойства описываемой фраземы считаются непрофильными. Поскольку наш словарь культурно-познавательного профиля, мы, избрав когнитивно-синергетический принцип словарной репрезентации фраземы, стремились под этим принципом объединить все возможные семантизирующие потоки, которые бы в полном объеме эксплицировали профильные свойства заголовочной фраземы. Совместно действуя, они позволяют добиться наивысшей эксплицитности словарного описания. Эффективность синергетического фразеографирования зависит, разумеется, от качества теоретического знания, которое кладется в его основание. Важнейшим элементом этого знания является исходная лингвистическая база, разъясняющая основные теоретические и методологические положения, без которых когнитивно-синергетическое фразеографирование немислимо.

Прежде всего, необходимо сформулировать основные системно-синергетические принципы, определяющие, с одной стороны, формирование и развитие фразеологических гнезд, привязанных к одному и тому же концепту, а с другой – их фразеографическую репрезентацию.

Важнейшими среди таких принципов являются: 1) принцип целостности, 2) принцип структурности, 3) принцип взаимозависимости системы и среды, 4) принцип иерархичности, 5) принцип динамического единения хаоса и порядка, 6) принцип непрерывности развития (стрела времени), 7) принцип множественности описания каждого фразеологического гнезда.

Принцип целостности предполагает системную репрезентацию фразеологического гнезда, характеристику фраземы с точки зрения взаимодействующих ее компонентов, но обладающей по сравнению с ними новыми качествами. Новые свойства фразеологического целого не сводимы к свойствам компонентов, но все же обуславливаются свойствами частей и их взаимодействием, обеспечивающим устойчивое существование фраземы во времени.

Принцип структурности требует лексикографирования всех фразем, отобранных для словаря, по одной и той же структурной модели.

Принцип взаимозависимости системы и среды реализуется не только традиционным иллюстрированием контекстуальных употреблений заголовочной фраземы, но и представлением ее дискурсивных свойств, предопределяющих место данной фраземы в культурно-познавательном пространстве языка. Наряду с традиционными указаниями на стилевой регистр фраземы (типа книжн.,

разг., прост., неодобр., ирон, устар. и др.), даются сведения коммуникативного, прагматического и дискурсивного характера.

Синергетический принцип динамического единения хаоса и порядка сводится к представлению в словарной статье смысловой гармонии логически несовместимых компонентов. Это примеры типа выше приведенных фразем лыка (лыком) не вяжет, не всякое лыко в строку. Таких фразем в русском языке очень много: у черта на куличках (на рогах), чучело гороховое (шут гороховый, пугало гороховое), в ногах правды нет, ехать зайцем, таскать каштаны из огня, на лбу написано у кого и т.п.

Принцип непрерывности развития (стрела времени) предполагает отображение в лексикографическом описании генетических и исторических аспектов появления, становления и развития фразем. С этой целью привлекаются элементы этимологических изысканий [Шулежкова 2007].

Принцип множественности описания каждого фразеологического гнезда предполагает возможность вариативного построения словарной статьи, что вполне успешно реализуется современными фразеографами (см. [Жизнь русской фразеологии 2008]).

В свете изложенных принципов фразеологические гнезда, входящие в один фразеографический блок, можно считать когнитивными единицами, которые призваны хранить знания о действительности в особой форме. Вокруг стержневой лексемы иерархически располагаются фраземодериваты и их фразеосемантические варианты, отражающие способность языка с помощью набора лексических фраземообразующих компонентов модифицировать семантическую структуру фраземообразующей базы (производящей фраземы) и даже порождать новые фраземы для именованья познаваемых предметов, признаков, действий и явлений, которые, так или иначе, в своем экстенциональном значении тесно связаны с семантикой производной вершины данного фразеологического гнезда. Другими словами, национальная языковая картина мира особым образом кодируется и структурируется во фразеосемантической группе. Когнитивно-ономасиологический анализ фразеологического гнезда, который, так или иначе, осуществляет составитель словаря, позволяет рассматривать изнутри гнездовую совокупность фразеологических номинаций как фрагмент концептосферы русского языка, показывающий видение человеком обозначаемого фраземами мира.

Отбор материала для словаря когнитивно-синергетического типа должен быть подчинен определенным принципам.

1. Фразеологическим признается устойчивый, воспроизводимый словесный комплекс со структурой словосочетания, сочетания слов или предложения, раздельно оформленный и обладающий повышенной экспрессивностью и усложненной коннотативностью.

2. Культурно маркированными считаем фраземы, которые либо отсутствуют в других (даже близкородственных) языках, либо передают особое миро-видение и миропонимание, несмотря на близость компонентного состава фразем родственных языков.

3. Культурно маркированными являются следующие группы фразем:

- фраземы, отражающие элементы античной культуры: ахиллесова пята (книжн.). Наиболее уязвимое место у кого-л., слабая сторона в каком-л. деле. Согласно древнегреческой мифологии, Ахилл – один из самых сильных и храбрых героев, тело

которого было неуязвимо, за исключением пятки. В мифе рассказывается: мать Ахилла, морская богиня Фематида, желая сделать сына неуязвимым, окунула мальчика в воды священной реки Стикс. Она держала его за пятку (пяту), поэтому пятка оказалась его единственно уязвимым местом. Именно туда Ахилл и был смертельно ранен стрелой Париса;

- фраземы, содержащие указание на собственно русские культурно-исторические реалии: бить баклуши – 'праздно проводить время, бездельничать'. Известно, что в старину на Руси хлебали щи и ели кашу деревянными ложками, которые делали кустари: раскалывали, разбивали осиновый или липовый чурбан на баклуши (чурки), т.е. делали заготовки (били баклуши) для мастера-ложкаря. Работа эта считалась пустячной, ее выполнял обычно подмастерье. Потому и считалась она скорее бездельем, чем делом. Все, конечно, познается в сравнении, и работа эта казалась легкой лишь по сравнению с каторжным крестьянским трудом;

- фраземы, в компонентном составе которых имеются культурно и семантически освоенные лексемы. Такие фраземы кажутся исконно русскими, и лишь историко-культурный комментарий раскрывает их ценностно-смысловое содержание. Так, фразема бить рынду 'звонить особым способом (обычно в полдень)' содержит необычный компонент рында, который в современном русском языковом сознании является «белым пятном». Лишь специалисты знают, что в допетровской Москве рындами называли царских телохранителей, стоявших у трона. С конца XVII в. звание это было упразднено. Зато выражение рынду бить долгое время употреблялось в морском жаргоне. На флоте оно не имело отношения ни к царским стражникам, ни тем более к их избиению. Русские моряки переделали на русский лад английское выражение Ring the bell, передающее флотскую команду: Ударь в колокол! Заимствованная фраза была изменена не только фонетически: изменили свои значения и слова-компоненты (ring 'бей' преобразовали в русское слово рында 'колокол на корабле'; bell по-английски означает 'колокол', этот компонент преобразовали в русский глагол бить);

- фраземы, состоящие из слов общенародного языка, но по своей семантике являющиеся культурно маркированными образованиями. Например, быть в ответе – 'быть ответственным, отвечать за кого-либо или что-либо'. Казалось бы, очень понятное и простое словосочетание. Но это лишь поверхностное впечатление! Знакомство с русскими традициями, сложившимися при царском дворе, позволяет за обычным выражением вскрыть невидимый смысл. Оказывается, данная фразема хранит «следы» старинных дворцовых обычаев. После челобитной бояр и прочих чинов при появлении царя государь шел в церковь, после чего начинал «сиденье с бояры» (заседание царской палаты, или думы). Царь слушал судные дела, назначал боярам пути (должности) и среди них – самые ответственные и важные, которые обязывали государственных чинов «быть в ответе». В обязанности этих чиновников входило вести переговоры с иностранными послами, давать царские ответы или решения посольских дел.

Происходили переговоры в особой палате – «ответной» (или «посольской»);

- фраземы, возникшие путем фразеологизации фрагментов – сочетаний слов из художественных произведений (поэзии, басен, колоритных выражений известных литературных персонажей) [Шулежкова 2008: 524–528]. Так, фразема <хоть> видит око, да зуб неймет (шутл.) – 'о чем-л. недоступном' – своим появлением в русском языке обязана басне И.А. Крылова «Лисица и виноград»: хитрая лиса не может ухватить зубами ягоды («неймет» зуб, то есть не берет, не достает). Фраземой передается всем понятный смысл – близкая, но недоступная удача. Этому способствует и буквальный смысл выражения: глаза видят желанный предмет, а добыть его невозможно. И в обычной жизни также нередко наблюдаются ситуации, когда что-то оказывается недостижимым, когда приходится порой мириться с тем, что «заветного» не видеть как своих ушей;

- фраземы библейского происхождения. Особенно нуждаются в интерпретации выражения, которые не содержат прямых религиозных номинаций. Так, фразема вносить (приносить)/внести (принести) свою лепту во что – 'принимать посильное участие в чем-л.'

– лишена внешних признаков библейского происхождения. На самом же деле она отражает содержание одной из евангельских притч, рассказывающей про бедную вдову, которая во время сбора пожертвований в храме положила в денежную чашу, рядом с богатыми дарами знатных людей, все, что у нее было, – две жалкие лепты. Лепта – самая мелкая древняя монетка – грошик. («Лептос» по-гречески – 'тоненький, мелкий'). Но Богу, говорится в притче, эти лепты вдовицы были приятнее всех остальных даров. Кстати, «лептой вдовицы» называют всякое скромное пожертвование, сделанное от чистого сердца;

- фраземы, отражающие этнокультурную специфику бытового характера. Так, этнокультурная специфика выражения как с гуся вода – 'ничто не волнует, не трогает, ничто не действует' – обусловлена давним магическим обычаем. Оказывается, это не простая поговорка, а часть древнего заклинания. Обливая больного «наговорной водой», знахарки или заботливые родители, купая чадо в бане, приговаривали: «Как с гуся вода, с нашего (Ивана, Катеньки) – худоба» (то есть болезнь). И верили, что всякие напасти «сбегут» с больного так же, как вода скатывается, не задерживаясь, с гусиных перьев. Действительно, с перьев любой водоплавающей птицы вода легко скатывается, так как они смазаны жиром, который выделяет особая железа, находящаяся на спинке птицы, у корня хвоста. Гуси, например, в/на воде выглядят свежо и бодро. Другие птицы, оказавшись в воде, приобретают жалкий вид. Поэтому и не говорят «как с курицы вода». Промокшая курица выглядит и на самом деле жалко и непривлекательно. Это зрелище вызывает совсем иные ассоциации; о жалком на вид или бесхарактерном человеке говорят как мокрая курица;

- фраземы, восходящие к народным поверьям и обычаям. В обороте как рукой сняло, пожалуй, ярче всего отразился обычай целительных «отводов». До сих пор в его переносном значении звучит вера в эффективность этого средства. Нередко слышим: «На даче стала чувствовать себя лучше. Как рукой сняло прежние недомогания». Такие выражения обычно обладают предельно «узкой» денотацией, всегда означая быстрое излечение от болезней. Знахари широко пользовались и пользуются этим приемом. Особенно часто «отводили рукой» зубную или головную боль. При этом они проводили по больному месту рукой, делая своеобразный массаж. Создавалось впечатление, что боль буквально «снимается рукой». Этот способ врачевания распространен у многих народов. Недаром подобные выражения сохранились в активном употреблении не только в славянских языках.

В процессе структурирования культурно-познавательного пространства фраземы определяющими оказываются следующие факторы.

1. Реконструкция процесса концептуализации знаний об объекте фразеологической номинации. При этом важной рефлексивной операцией является поиск через анализ семантической структуры фраземы той ассоциативно-смысловой схемы, согласно которой состоялся выбор концептуальной структуры для фиксации того признака объекта косвенно-производной номинации, который обусловил внутреннюю форму фразеологического значения. На основе того факта, что в русской фраземике существуют единицы, обозначающие сходные объекты или признаки объектов, но при этом имеющие разный этимологический образ, есть возможность уже на начальном этапе фразеографического описания определить характер и тип когнитивной структуры, послужившей стимулирующим источником фразеологической (косвенно-производной) объективации предметно-чувственного восприятия стереотипной денотативной ситуации. Ср.: садиться на своего <любимого> конька и оседлать своего <любимого> конька. В первом случае смысловой акцент в этимологическом признаке делается на объекте действия – любимом коньке, с которым, собственно, и ассоциируется излюбленная тема для разговора, а во втором – на процессуальном признаке оседлать – перен. 1) 'сесть верхом на кого- или что-н.', 2) 'полностью подчинить себе' (разг. неодобр.), 3) 'прочно занять, охватив, захватив инициативу в свои руки'.

2. Вторым шагом фразеографического описания является ретроспективная актуализация лексем, ставших донорами смысловых элементов для формирования

семантической (семной) структуры фраземы. Тот факт, что в процессе кодирования довербальной информации у говорящего действительно имеется широкий выбор лексических единиц, подтверждается результатами психолингвистических исследований (А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова). Доказательством того, что в процессе формирования фразеологического значения также осуществлялся выбор лексических единиц для вербализации ассоциативно-образных представлений о стереотипной денотативной ситуации, служат многочисленные варианты структуры фразем; ср.: важная (крупная, большая) шишка – 'о человеке, имеющем большой вес, занимающем высокое положение в обществе', про-давать<ся>/продать<ся>за чечевичную похлебку; отдавать/отдать первенство (первородство) за чечевичную похлебку – 'предать кого-л., получив незначительное вознаграждение'.

3. Поскольку в ходе фразеомообразования концептуальные и семантические структуры могут иметь несколько узувальных разновидностей, немаловажным во фразеографическом описании является анализ причин выбора именно зафиксированного языковым сознанием инварианта. Причем на довербальном уровне выбор узувальной формы представляется нам не просто выбором одной из когнитивных метафор и репрезентирующего ее концепта (обыденного понимания денотативной ситуации), а бифуркацией, т.е. выбором вектора исторической динамики всех активированных когнитивных структур с целью формирования когнитивного субстрата современной фраземы.

Когнитивно-синергетический подход расширяет рамки и принципы фразеографического описания. Он позволяет максимально охватить динамику фразеомообразования, понимаемую как процесс самоорганизации сложных открытых неравновесных, неустойчивых, нелинейных речемыслительных систем, спонтанно создающих в ходе бифуркации фразеологические структуры. И, пожалуй, главное: когнитивно-синергетический принцип фразеографирования позволяет избежать в культурно-познавательной части словарной дефиниции зеркального отражения фразеологического значения. Этот принцип обеспечивает нелинейную (многоканальную и многоярусную) репрезентацию формы и содержания фраземы на лексическом, грамматическом, прагматическом и лингвокультурологическом уровнях.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002.
2. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Эллис, 2008.
3. Жизнь русской лексикографии в художественной речи: опыт уникального фразеологического словаря: в 2 т. / сост. А.М. Мелерович [и др.]. – Кострома: Изд-во Костром. гос. пед. ун-та, 2008.
4. Морковкин В.В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире. – София: Heron press, 2007. – Т. 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – С. 465-474.
5. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980.
6. Шулежкова С.Г. Старославянские корни русских фразеологизмов (размышления над фразеологическим словарем старославянского языка) // Мир русского слова и русское слово в мире. – София: Heron press, 2007. – Т. 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – С. 333-337.

References

1. Alefirenko N.F. Poeticheskaya energiya slova: sinergetika yazyka, soznaniya i kultury. – М.: Academia, 2002.
2. Alefirenko N.F., Zolotykh L.G. Frazheologicheskij slovar: Kulturno-poznavatelnoe prostranstvo russkoj idiomatiki. – М.: Elpis, 2008.
3. Zhizn russkoj leksikografii v hudozhestvennoj rechi: opyt unikalnogo frazeologicheskogo slovarya: v 2 t. / sost. A.M. Melerovich [i dr.]. – Kostroma: Izd-vo Kostrom. gos. ped. un-ta, 2008.
4. Morkovkin V.V. Sinergeticheskoe leksikografirovanie: ponyatie i tehnologiya osushestvleniya // Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire. – Sofia: Heron press, 2007. – Т. 2. Problemy frazeologii. Russkaya leksikografiya: tendencii razvitiya. – С. 465-474.
5. Haken G. Sinergetika. – М.: Mir, 1980.
6. Shulezhkova S.G. Staroslavjanskie korni russkih frazeologizmov (razmyshleniya nad frazeologicheskim slovarem staroslavjanskogo yazyka) // Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire. – Sofia: Heron press, 2007. – Т. 2. Problemy frazeologii. Russkaya leksikografiya: tendencii razvitiya. – С. 333-337.